

УДК 947 (470.6)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОПРЕДЕЛЬНЫХ КАВКАЗУ ЗЕМЕЛЬ
А.П. ЕРМОЛОВЫМ В 1816–1823 ГГ.**

Д.С. Ткаченко

**THE SURVEY OF THE CAUCASUS FRONTIER LANDS
BY A.P. YERMOLOV IN 1816–1823**

D.S. Tkachenko

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-09-00037 «Военные кавказоведы Российской империи:
исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие»*

Аннотация. Статья рассматривает начальный период становления военного Кавказоведения в Российской империи, связанный с деятельностью А.П. Ермолова на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом. На основе документов официальной переписки, отчетов военных разведчиков и свидетельств иностранных путешественников, показана связь между внешнеполитической деятельностью А.П. Ермолова с необходимостью тщательного изучения новых земель. В статье анализируется сбор материалов во время посольства А.П. Ермолова в Персию и разведывательной экспедиции Н.Н. Муравьева на восточное побережье Каспия, показано их влияние на уточнение имевшихся карт Кавказа, необходимых военной администрации для организации управления и обороны новых земель. Делается вывод о том, что, несмотря на избранную А.П. Ермоловым стратегию «осады Кавказа как большой крепости», идея переноса фокуса внимания строителей империи с внешних границ Российского Кавказа на его внутренние регионы к началу 20-х гг. XIX в. так и не произошло.

Abstract. The article concerns on the commencement of military Caucasus studies in the Russian Empire associated with A.P. Yermolov's activities as a commander of the Caucasus Corps. The study is based on the official papers, military scouts' reports and evidences of foreign travellers. The paper demonstrates the strong connection between the foreign policy activities by A.P. Yermolov and the need for a thorough study of new lands. The article also analyzes the material collection during A.P. Yermolov's embassy in Persia and during N.N. Muraviev's the military scouting on the Eastern coast of the Caspian Sea; their influence on the refinement of available maps of the Caucasus necessary for the military administration to organize the management and defence of new lands is shown. It is concluded that despite the strategy of "siege of the Caucasus as a great fortress" chosen by A.P. Yermolov, the idea of shifting the focus of attention of the builders of the empire from the external borders of the Russian Caucasus to its internal regions to the beginning of the 1820s had never come to life.

Ключевые слова: А.П. Ермолов, персидское посольство, Прикаспий, Н.Н. Муравьев, описание земель, картографирование, военное кавказоведение

Keywords: A.P. Yermolov, the embassy to Persia, Caspian Region, N.N. Muraviev, land description, mapping, military Caucasus studies.

Описание приграничных земель и составление их точной карты дает строителям империи чувство контроля над новыми территориями [1, р. 78]. Кроме того, оно решает важную практическую задачу. Визуальный образ «видимых» владений позволяет установить их иерархию, продумать системы управления и администрирования, а также организации обороны новых земель от внешних угроз [1, р. 95]. Это хорошо видно на примере первых попыток организации изучения и картографирования Кавказа, предпринятых российскими военными в начале XIX в.

Необходимость получения точных знаний о регионе одним из первых, осознал Командующий Отдельным кавказским корпусом, генерал А.П. Ермолов. «В делах предместников моих, – писал он при вступлении в свою должность, ничего не нашел я кроме нелепо составленной карты из произведенных частных экспедиций, для связи коих надобно было прибегать к разным вымыслам» [9, с. 64]. Комментарий Ермолова становится понятным при взгляде на «Сто-листовую карту Российской империи» – на то время самую точную из имевшихся в России. Каждый из ее листов представляет отдельную карту в масштабе 70 верст, и 14 из них показывают пространство между Черным и Каспийским морями. Часть Кавказа, которую в России знали лучше, вышла непропорционально больше, чем слабоизученное пространство, что вызывает искажения при попытке совместить листы друг с другом для получения общей картины Кавказского перешейка [12].

Существенную роль в искажении очертаний Каспийского и Черноморского побережий вносило отсутствие на карте сопредельных с Российскими владениями земель Ирана и Турции [12]. В результате, выполненные с применением распространенной в Европейских колониальных картах «теории хинтерленда» [2] – изображения условных территорий, примыкающих к известным картографам линиям побережья, рек или границ колониальных владений [5, р. 12], демонстрировали явные провалы в российской «ментальной карте» Кавказа. Линии различных владений в районе так называемой «Сухой границы», центрального Кавказа и Нагорного Дагестана не совпадали с теми же рубежами, нанесенными на соседних листах, в которых «хинтерленд» отсчитывался от другой исходной черты [12]. В связи с этим неудивительно, что А.П. Ермолов начал организацию исследований с уточнения очертаний внешних границ Российского Кавказа.

В 1816–1817 гг. он возглавил посольство в Персию, которое, по отзыву А. Берже стало «бесспорно, самым блестящим» [8, № 6, с. 255–256] дипломатическим мероприятием России на Востоке в первой четверти XIX в. Одним из важнейших пунктов переговоров являлось установление точной линии границы между Российскими и Персидскими владениями в Закавказье. Сложность положения заключалась в том, что Персия в знак дружественных отношений, требовала вернуть часть территорий, отошедших России по Гюлистанскому договору [8, № 6, с. 257]. Однако по точному замечанию

гр. Нессельроде, «все сведения о сей границе заключаются в одной только черте, означенной на весьма неверных картах через места, кои поименованы в статьях договора» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 117].

Перед тем как отправиться в Персию, А.П. Ермолов провел обзор приграничья, которое для удобства разделил на части. Елизаветпольскую и Карабагскую области он осмотрел лично, а в оставшиеся «дистанции» направил членов посольства: обер-квартирмейстера Иванова и офицера генерального штаба, Н.Н. Муравьева [14, с. 7]. Однако, собрав, точные данные о перешедших под контроль России землях, А.П. Ермолов пришел к выводу об отсутствии точной информации о самой Персии. «Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле» [8, № 6, с. 257], – писал он.

Свою дипломатическую задачу А.П. Ермолов выполнил блестяще. Увидев плачевное состояние соседней державы, он открыто заявил «о положительной невозможности отдать Персии и самого ничтожного клочка из уступленных областей» [8, № 7, с. 410]. Сбор сведений о приграничных землях и внутренних территориях Персии, по которым пролегал путь посольства, он выполнял как лично, так и через штат посольства, который включал в себя ответственных за разведку офицеров генерального штаба, докторов, аптекарей, переводчиков и живописцев [8, № 6, с. 258–259]. Кроме того, Ермолов активно общался как с персидскими вельможами, так и с находившимися в этой стране европейцами, прежде всего – англичанами [3]. Одним из них стал полковник Дж. Джонсон, возвращавшийся из Индии в Англию сухопутным путем. Путешественник описывает свою встречу с А.П. Ермоловым в полевом лагере на Российско-персидской границе. Генерал произвел на англичанина впечатление не только своим гостеприимством, но и стремлением облегчить дальнейший путь через Кавказ, предоставлением официальных писем для кавказских администраторов. Взамен, Ермолов долго расспрашивал путешественников об их пути из Индии и о тех частях Персии, через которые они успели проехать [3, р. 200–207].

Итогом посольства А.П. Ермолова стал не только дипломатический успех, но и обозрение Персии, представленное в «Записке о посольстве». От генерала не укрылось политическое, экономическое и военное состояние соседней державы, было представлено описание социальной структуры и нравов персидского общества, а также даны отдельные топографические зарисовки [8, с. 395–396.].

Сосредоточив внимание на Персии, А.П. Ермолов оценил и ту выгоду, которую для России мог бы предоставить союз с противниками этой державы – туркменами, жившими на восточном берегу Каспия. Еще в январе 1817 г. он отмечал, что «в случае войны с Персией, народ сей, всегда враждебный Персии и успехами против нее ободренный, может быть нам весьма полезен... Я намерен с наступлением весны отправить к берегам

Трухменским военное судно, начальнику коего, избранному офицеру, сверх обозрения берегов, о которых мы никаких точных сведений не имеем, поручено будет изведать главнейшие потребности народа и способы с нашей стороны удовлетворить их» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 697].

Выбор А.П. Ермолова остановился на капитане Н.Н. Муравьеве, который «успел зарекомендовать себя исключительно способным и находчивым человеком и... обладал обширными познаниями, необходимыми для выполнения его миссии» [15, с. 108]. По оценке П. Хопкирка, он был квалифицированным топографом, а также совершил несколько разведывательных экспедиций на территории Персии «где странствовал с фальшивыми документами под видом мусульманского паломника. Так что, капитан не только мог оценить регион глазами солдата, но и полностью осознавал все грозившие опасности» [15, с. 108].

В инструкции, данной Муравьеву, был намечен круг первостепенных вопросов, которые следовало уточнить. Помимо поиска места, на котором можно было бы основать опорную российскую базу на Восточном берегу Каспия, уточнения географии побережья и «богатствах произведения собственно трухменской земли», разведчик должен был «узнать обстоятельно, каким образом управляется Трухменский народ: подчинен ли единовластию или состоит из многих обществ... разведать о числе кибиток всех поколений Трухменского народа, по коему можно судить о силе его; также о соседственных народах, их окружающих» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 700]. При этом главной целью экспедиции Муравьева являлось установление отношений с Хивинским ханством, в которое он должен был совершить дипломатическую миссию, если обстановка на восточном берегу Каспийского моря будет спокойной. В Хиве российский разведчик должен был не только разведать политическую, экономическую и военную обстановку, но и собрать точные сведения о пути в эту державу со стороны Каспия, обращая особое внимание на расположение источников воды. «Вы можете сделать и другие полезные исследования, к которым дать может повод ваше между ними пребывание более, нежели я могу предписать о народе, почти совершенно нам неизвестном» [7, Т. 6. Ч. 2. С. 703], – наставлял разведчика А.П. Ермолов.

Ход своей миссии Н.Н. Муравьев изложил в отдельной записке-травелогге, являющейся уникальной смесью дневниковых записей и данных самого разнопланового характера о землях «прибрежной Туркмении» [11]. Они показывают, что до экспедиции российские власти не знали даже точных координат важнейших географических ориентиров на Восточном побережье Каспия, которые на русских картах имели существенные разночтения. Так, пристав к точке побережья, расположенной напротив российского Баку и увидев невдалеке характерную возвышенность, команда корабля принялась гадать, видят ли они «Серебряный», «Белый» или «Зеленый» Бугор и двигаться ли им от него на Север или на Юг для того, чтобы выйти к месту предполагаемой российской фактории [11, с. 14–19].

Н.Н. Муравьев постарался дать возможно более точные сведения о береговой линии, обращая особое внимание не только на глубину моря, но и на возможность отыскать на берегу пресной воды [11, с. 31]. Двигаясь к определенному заранее пункту, он несколько раз высаживал на берег команду для осмотра местности. Офицер тщательно записал все сведения о географии тех мест, полученные им от туркмен. Помимо них, разведчика интересовали данные о расположении туркменских кочевий, быте этого народа, системе управления и отношениях туркмен с соседями: персами и хивинцами [11, с. 33]. Н.Н. Муравьев приводил так же данные по истории и даже сам пытался вести археологические раскопки наиболее значимых с его точки зрения пунктов [11, с. 29].

Свои наблюдения и этнографические зарисовки разведчик представил с точки зрения военного человека, оценивавшего возможности использовать потенциал местных жителей в интересах российской внешней политики. Он смотрел на местных жителей с позиций европоцентризма и, сравнивая их с горцами Северного Кавказа, ставил на ступень ниже в имперской иерархии народов. «Туркмены не имеют той строгости и правоты в праве, которыми столько отличаются Кавказские народы от прочих, – писал он. – Нищий сей народ не имеет понятия о гостеприимстве; он алчен к деньгам, и из безделицы готов сделать всякого рода низости... И посему всякий Русской может легко над ними одержать верх. – Можно даже безопасно быть одному среди их без оружия, кричать на них, бранить, я думаю, даже и бить за дело» [11, с. 34].

В мрачных красках Н.Н. Муравьев представляет кочевников, живших между Каспийским побережьем и границами Хивы. «Чувствовалось, по простому отсутствию пашен, что ленивые и беззаботные полудикари, добывавшие хлеб не иначе, как на базарах Хивы и Астрабада, должны жить за счет своих соседей... Встреча с такими кочевьями не всегда безопасна: промысел их – воровство людей, которых они и продавали в Хиву за большие деньги» [13, с. 10], – отмечал разведчик.

Совершив свою дипломатическую миссию, которую часть Западных исследователей считает одним из первых ходов Российской империи в «Большой Игре» – геополитическом противостоянии России и Британии в Среднеазиатском регионе [15, с. 106], Н.Н. Муравьев в 1820 г. вернулся в Тифлис. Несмотря на то, что политические результаты миссии были незначительны – по оценке А.П. Ермолова, он получил от Хивинского хана лишь «пышное письмо и ничтожные подарки» [13, с. 27], – российский разведчик смог собрать максимально полные сведения о регионе, а также составить его карту [11]. В целом экспедиция Н.Н. Муравьева, как и предшествующие персидские изыскания самого А.П. Ермолова, существенно расширили знания о положении дел на границах российского Кавказа, а сведения о сопредельных землях позволили русским картографам внести некоторые уточнения в географические карты и исправить очертания Кавказского перешейка. Их ярким

примером является карта, составленная в 1823 г. Семеном Броневским для иллюстрации своего труда [10].

Карта показывала российское приграничье по реке Аракс гораздо более подробно, несла информацию о турецкой части черноморского побережья и благодаря исправлению линии Черного моря корректировала общий образ Кавказского перешейка. Однако, сосредоточив внимание на внешних границах региона, изыскания начала XIX в. имели лишь косвенное отношение к накоплению сведений о предгорной части Северного Кавказа, что так же ярко видно на примере карты Броневского. На ней, по емкой оценке Ч. Кинга, были представлены границы этнических территорий – список, показывающий «амальгаму географических, лингвистических и политических ярлыков. Некоторые из них до сих пор в ходу, в то время как другие исчезли. Это была та линза, через которую во времена Броневского российские строители империи смотрели на Кавказ, представляя его как смесь малоизвестных племенных групп: одни были свободными, а другие – под российским контролем, третьи – подчиненные какому-то местному владельцу; одни проживали в горах, другие – на равнине; одни оседлые, а другие – кочевники» [4, p. 143].

Этот взгляд на регион целиком разделял и А.П. Ермолов, которого в контексте избранной стратегии «осады Кавказа как большой крепости», из географических сведений интересовал только «осмотр местностей для проведения возможно более удобных путей, чем те, которые существовали в крае» [6, Т. 6. Ч. 1. С. 4] и информация, необходимая для принятия решения о строительстве новых укреплений. Последнюю он нередко собирал лично, как в 1822 г., когда командующий «обозревал Кабарду, начиная от Каменного моста в верховьях Кубани, где в разных местах назначил устроить посты и укрепления» [6, Т. 6. Ч. 1. С. 8].

В целом, проникновение российских войск вглубь гор и основание новых укреплений, неизбежно расширяли представления военных о регионе, ставили круг новых задач. Так, уже А.П. Ермолов писал, что одну из них он видит в том, чтобы избавить гарнизоны новых укреплений «от неимоверной смертности, каковая в полках донине существовала», для чего считал необходимым «избрать новые, удобнейшие и здоровые по климату места их квартирования» [6, Т. 6, Ч. 1, С. 15]. Однако сам же командующий добавлял, что непрерывные военные экспедиции не дают ему лично этим заняться. Задача перенести акценты в изучении и картографировании земель с внешних границ Кавказа на его внутренние территории предгорий была А.П. Ермоловым так и не выполнена и определяла действия всех последовавших за ним командующих Отдельным Кавказским корпусом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bernardo, A. M. Making Territory Visible: The Revenue Surveys of Colonial South Asia / A. M. Bernardo // *Imago Mundi*. – 2007. – Vol. 59. – № 1. – P. 78–95.
2. Hinterland. Geography // *Encyclopaedia Britannica* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/science/hinterland>.

3. Johnson, J. A Journey from India to England Through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the Year 1817 / J. Johnson. – London, 1818. – P. 206.
4. King, Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus / Ch. King. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 291 p.
5. Lugard, F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa / F. D. Lugard. – London, 1922. – 643 p.
6. Paxman, J. Empire. What Ruling the World Did to the British/ J. Paxman. – London : Penguin Group Press, 2011. – 352 p.
7. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А. П. Берже // АКАК. – Тифлис : Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1878. – Т. 6. – Ч. 1. – 941 с.; Ч. 2. – 950 с.
8. Берже, А. П. Посольство А.П. Ермолова в Персию. Исторический очерк / А. П. Берже // Русская старина. – 1877. – № 6. – С. 255–280.
9. Ермолов, А. П. Записки. 1818–1825 / А. П. Ермолов // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. / сост. Я. А. Гордин. – СПб. : Звезда, 2000. – С. 13–75.
10. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. – СПб., 1823.
11. Муравьев, Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах / Н. Н. Муравьев. – М. : Типогр. Августа Семена, 1822. – 398 с.
12. Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. Сочинена, гравирована и печатана при Собственном Его Императорского Величества Делю карт. – СПб., 1816.
13. Потто, В. А. Поездка Муравьева в Хиву / В. А. Потто // Солдатская библиотека. – Тифлис : Изд-во В.А. Безовского, 1899. – 28 с.
14. Соколов, А. Е. Дневные записки путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1816-м и 1817-м годах / А. Е. Соколов. – М. : Императорское общество истории и древностей Российских, 1910. – 48 с.
15. Хопкирк, П. Большая игра против России: азиатский синдром / П. Хопкирк. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 640 с.

REFERENCES

1. Bernardo A. M. Making Territory Visible: The Revenue Surveys of Colonial South Asia. *Imago Mundi*, 2007, vol. 59, No.1, pp. 78-95.
2. Hinterland. Geography. *Encyclopaedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/science/hinterland>.
3. Johnson J. A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the year 1817. London, 1818, 206 p.
4. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008, 291 p.
5. Lugard F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. London, 1922, 643 p.
6. Paxman J. Empire. What Ruling the World Did to the British. London: Penguin Group Press, 2011, 352 p.
7. *Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arheograficheskoy komissiiy* [Acts collected by the Caucasus Commission for Archeography]. Ed. by A.P. Berzhe. Tiflis, 1878, vol. 6, part 1, 941 p.; part 2, 950 p.
8. Berzhe A.P. A.P. Yermolov's Embassy to Persia. A Historical Account. *Russkaya starina = Russian antiquity*. 1877, No. 6, pp. 255-280. (In Russian).

9. Yermolov A.P. *Zapiski. 1818-1825* [Notes. 1818-1825]. Siege of the Caucasus. Memoirs of the participants of the Caucasian howl of the XIX century. Ed. By Gordin J. A. SPb., Zvezda Press, 2000, pp.13-75. (In Russian).

10. *Karta Kavkazskih zemel' s chast'yu Velikoy Armenii, izdannaya Semenom Bronevskim k opisaniyu Kavkaza* [The Map of Caucasus Lands and Parts of the Great Armenia, published by S. Bronevsky]. SPb., 1823.

11. Muraviev N.N. *Puteshestvie v Turkmeniyu i Hivu v 1819 i 1820 godah* [A voyage in Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820] M.: Avgust Semen Press., 1822, 398 p.

12. *Podrobnaya karta Rossijskoy imperii i blizlezhashchih zagranichnyh vladeniy* [A detailed Map of the Russian Empire]. SPb., 1816.

13. Potto V.A. *Poezdka Muravieva v Hivu* [The Travel of Muraviev to Khiva]. Tiflis, V.A. Bezovskogo Publ., 1899, 28 p.

14. Sokolov A.E. *Dnevnye zapiski puteshestviya possiysko-imperatorskogo posol'stva v Persiyu v 1816-m i 1817-m godah* [Daily Accounts of the Russian Imperial Embassy into Persia in 1816 and 1817]. M., 1910, 48 p.

15. Hopkirk P. *Bol'shaya igra protiv Rossii: aziatskiy sindrom* [The Great Game: On Secret Service in High Asia]. M.: RIPOL CLASSIC Press, 2004, 640 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ткаченко Д.С. Организация изучения сопредельных Кавказу земель А.П. Ермоловым в 1816–1823 гг. / Д.С. Ткаченко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 69–76.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tkachenko D.S. The Survey of the Caucasus Frontier Lands by A.P. Yermolov in 1816–1823/ D.S. Tkachenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 69–76. (In Russian).